

Ане
на сердцу
растары
полей...

В.Г. Кузьмин

Кузьмин В. Г.

«Мне по сердцу просторы полей...» / Кузьмин В. Г. - Камышлов: Муниципальное бюджетное учреждение культуры «Камышловская централизованная библиотечная система», 2016. - 72 с.

«Люблю тебя, мой край родной»

Стихи Виктора Георгиевича Кузьмина просты и незамысловаты. В них нет загадочной запутанности, от которой читатель приходит в недоумение, не понимая, что хотел сказать автор своими строчками.

Стихи Виктора Георгиевича – это стихи обычного человека, у которого нет профессионального образования. Он пишет для себя. Так, как видит. Так, как подсказывает ему сердце. Именно поэтому созвучны эти строки чувствам читателя:

***Сквозь тополиных веток вязь
Я часто в детство ухожу.
И долго, долго там брожу...***

Разве не близки эти мысли любому человеку? Тема детства – особый мотив в стихах многих поэтов и писателей. Это невозвратимая пора наполняет силами даже спустя много лет. Не зря говорят, что детские впечатления, радости, трудности становятся основой наших взрослых поступков.

Безусловно, главной темой творчества Виктора Георгиевича является природа. В строках его стихов неизменно виден художник, влюблённый в свою родину. С интересом и трепетом вглядывается он в каждую берёзку, рябину, черёмуху. Стихотворные строки становятся дополнением к картинам. Выраженные в словах чувства как будто продолжают образы, созданные кистью художника. И мы своими глазами видим как:

***Спелым хлебом поля отшумели,
Отгорели берёзы холсты...***

Невозможно остаться равнодушным, когда проходишь по лесным дорожкам вместе с Виктором Георгиевичем.

***Тропинки лесные, травую поросшие,
Люблю я разглядывать тайн ваших кружево, -***

признаётся художник. И вот мы уже вместе с ним начинаем вглядываться в тропинки, разбегающиеся по лесу. Кто и когда протоптал их? О чём думал при этом? С кем разговаривал? Каждая тропинка хранит в себе множество тайн, оставленных здесь людьми. И Виктор Георгиевич оставил здесь свои переживания, размышления, терзания, откровения. Он предлагает сделать это и нам. Тропинки никому не расскажут. Они умеют хранить секреты.

Стихи Виктора Георгиевича откровенны, похожи на дневниковые записи, в которых подводят итоги и размышляют о жизни:

***Как-то быстро дети повзрослели,
Незаметно улетят от нас.***

Часто скромная человеческая жизнь переплетается с многовековой жизнью природы. Именно в природе мы часто находим утешение и ответы на волнующие нас вопросы:

***Лишь томления соловьиной трели
Трогают душевную струну.
Песни, что допеть мы не успели
Сыну завещаю своему.***

Голоса птиц часто звучат в строках Виктора Георгиевича. То «хохлатых свиристелей мчится стая», то «серенький трудяга воробей», то «запоздалые журавли» с тоскливой песней осени. Птицы – неотъемлемые жители наших лесов, а значит, и поэзии художника, который стремится запечатлеть малую родину такой, какая она есть.

Виктор Георгиевич с любовью вглядывается во все изменения природы. Особенный трепет вызывает осенняя пора, вдохновляющая поэтов разных времён и поколений:

***Звенит с берёзы падающий лист,
И в колках уж светлее стало.***

***И воздух осени прозрачен, чист,
Притихло всё и ждёт зиму устало.***

Вместе с автором мы переживаем смену времён года. Он учит нас всматриваться в мельчайшие детали подобно тому, как это делают художники.

***Не тронут первый снег лежит.
Морозец уж слегка бодрит.
Из северной сияющей дали
Хохлатых свиристелей мчатся стаи.***

Виктор Георгиевич искренне переживает за родной край. Здесь прошла вся его жизнь. Он постоянно размышлял о том, как сделать жизнь людей лучше, разумнее организовать взаимодействие органов власти и простых людей. Много писал об этом художник в прозе, но есть и поэтические строки, соединяющие жизнь людей и природы:

***Сколько судеб вершилось у русских берёз.
Сколько сладких и горестных пролито слёз.
Сколь сынов погибало у русских берёз! И не счесть.
И не счесть: сколько новых берёз подымалось
в их честь.***

Каждый человек должен трудиться, ведь только в труде мы становимся настоящими людьми. Но ежедневно работает и земля, которая кормит нас своими плодами:

***Хмурится земля, не занятая делом,
Перед сном смывает далее грусть.***

Котова Мария, член Союза журналистов России

«Я хочу гордиться своим городом»

Виктор Георгиевич Кузьмин родился в городе Камышлове 8 февраля 1937 года в семье рабочих. Отец был машинистом паровоза, мама работала переплетчицей в типографии. Семья большая. Сестренка и четыре брата.

Детство прошло возле Шадринского моста. Река Пышма и лес были основными местами свободного времяпрепровождения. Именно среди природы он постигал мир. Вместе с другими ребятами никогда не сидел на месте. Целыми днями пропадали на рыбалке, в лесу собирали грибы и сучки для печки-таганки.

Великая Отечественная война - трудное время. Отцу и матери приходилось все время работать, чтобы прокормить семью. Виктор редко видел своих родителей. Он вспоминал: «Ощущение незащищенности овладевало мной, когда я оставался в доме один. За окном уже стемнело, а мамы все еще нет. Я осмелился слезть с печки и приблизиться к окнам, из них на меня глядели огромные, испуганные глаза. Я узнавал в них себя, и от того становилось почему-то страшно. В мгновение я оказывался на печи – единственном теплом месте в доме».

Детский садик напоминал нечто сказочное. Его здание воспринималось волшебным теремом. И он сам, еще совсем маленький, в костюме гномика с блестящим топориком и фонарем в руках. Это было время ярких, запоминавшихся на всю жизнь, впечатлений. Война уже не казалась такой страшной. Постепенно она превратилась в любимую игру дворовых мальчишек.

В 1944 году Виктор Кузьмин становится первоклассником в Камышловской школе №59. Учился неплохо. Особенно нра-

вилась математика: «Я с удовольствием решал и, как мне казалось, красиво располагал столбиком примером на листе тетради». Именно в этой школе у Виктора Кузьмина впервые был замечен и оценен интерес к рисованию. Впервые начинает участвовать в выставках.

Виктор Георгиевич рассказывал, что интерес к живописи у него появился в детстве, и предполагал, что произошло это в тот самый момент, когда он увидел в окошке полуподвала цветы на столе. Цветы были такие яркие и так необычно смотрелись через крохотное окно, что пришел домой и сразу воспроизвел эту картину.

В школе №59 проучился недолго. Совсем скоро его переводят в школу №3, она находилась в здании нынешнего музея. С этой школой у художника связаны самые теплые воспоминания.

Семь классов оканчивал в школе №1. Виктор Георгиевич всерьез увлекается живописью. Посещает кружок рисования при Доме пионеров. Все ребята, которые вместе с ним посещали студию, стали художниками. Тогда они называли свое творческое товарищество «Камышловские мазилки». Очень дружили, часто ходили на природу на этюды, учились рисовать, прежде всего, друг у друга. Были и походы с ночевками. Помогал юному художнику учитель рисования Молодцов Николай Владимирович. Художник рассказывал: «Красок в те годы еще не было. В день рождения наш квартирант дядя Вася сделал мне подарок. Этим подарком оказались краски».

После школы Виктор Георгиевич учится в Камышловском педагогическом училище, служит в армии. Потом поступает в Нижнетагильский педагогический институт на художественно-графическое отделение. На выбор профессии повлияли учителя, которые не просто удивляли и восхищали, хотелось быть такими же, как они. Эти годы были наполнены разнообразными событиями: и оформление праздников, и выпуск газет, и занятие разными видами спорта, и обучение игре на музыкаль-

ных инструментах. Но главным оставалось время, проведенное у мольберта.

Долгое время Виктор Георгиевич Кузьмин работал в школе №1. Именно он участвовал в создании школьного музея, а когда музей закрыли, выступил инициатором передачи экспонатов в краеведческий музей города Камышлова.

В 1976 году вместе с семьей: женой Тamarой Андреевной, сыном Дмитрием и дочерью Владой - переезжает в деревню Баранникову. Работает в совхозе художником-оформителем, а потом учителем рисования в Баранниковской школе. В 1998 году Виктор Георгиевич уходит на пенсию.

Он продолжает рисовать и устраивать свои выставки: в Баранниковском доме культуры, в Камышловском краеведческом музее, в гостиной Камышловской центральной библиотеки.

Виктор Георгиевич был человеком неравнодушным, ему хотелось, чтобы наш город Камышлов стал настоящим культурным центром района, он мечтал об открытии картинной галереи, возрождении Бобылевского сада, об озеленении города, о сохранении его культурного наследия.

Постных Евгения

Белая берёза под окном разделась,
Стоит передо мной нага и несмела.
До самых серёжек от стыда зарделась,
Под осенним ветром вся окоченела.
На тебя нагую глаз поднять не смею,
Обниму, как ветер, да не обогрею.
И любить такую вряд ли я сумею,
Не суди уж строго: врать я не умею.
Милую дождавшись, я не оробею:
Обниму покрепче и теплом согрею.

В безумных дебрях становленья,
В часы уныния, сомнений и тревог,
Лишь в Вас одной нашёл я утешенье.
Вы были для меня, что Бог.
К Вам как на исповедь я приходил
Мне одному лишь ведомою тропкой.
В Вас свет надежды находил
И твёрдый путь в пучине жизни топкой.
Сын матери другой, мне так же милой,
Её я чтил и видел в Вас одной.
В других искал, но так и не заметил.
Я лучшей, чем Вы не встретил.
И счастлив я, что той прозрачной ранью
Испил родник хрустальной чистоты.
И были Вы столь щедрой данью
Гордому сердцу ищущей души.

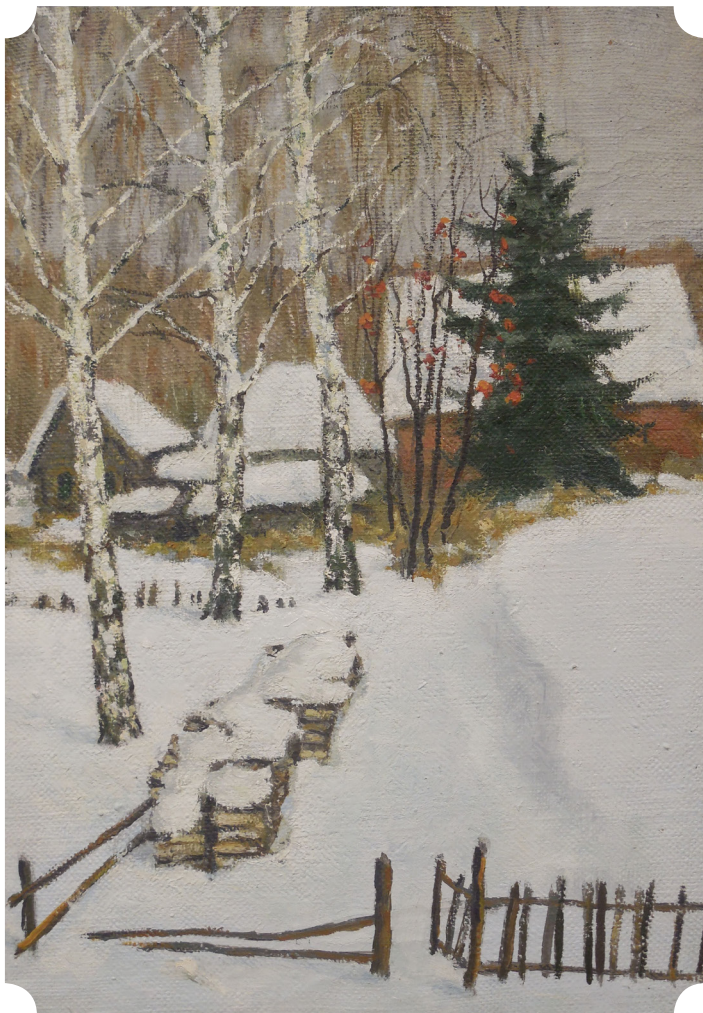
Всюду я вижу
 весны приближение:
В добрых улыбках людей,
В беге короткого дня
 и его замедлении,
В радостных криках детей.
В вербе, напившейся
 талыми водами,
В дымке, упрятавшей
 ясную даль,
В песне скворца
 под небесными сводами,
В том, что былого не жаль.

В сенях колка, когда-то зелёном,
Тихо лист под ногами звенит
И рябина с игривым поклоном
Уж как прежде к себе не манит.
На стерне незаметной тропинки,
Что к заветному колку вела,
Гроздья ягод, как будто слезинки
О любви, что давно отцвела.

Да, после сумрака осенних дней
Снег северянину – награда.
Нас радует торжественная белизна полей-
Величие и скромность зимнего наряда.
В причудливых виденьях колки, рощи, лес.
Сугробы, и под белой шубой горбится ограда.
Стеною снег валит с низвергнутых небес.
Хвала – зиме, душе – отрада.

«Достоинство по нашим временам не нужно, –
Не говорят, так думают иные дружно.–
Иметь такую роскошь разве можно?
Его ведь ни одеть, ни скушать невозможно».
И до чего же люди опустились,
Ну, прямо на глазах переродились.
Мы не хотим увидеть иль не замечаем,
Что потихонечку своё достоинство теряем.
Не признающие достоинства его в других не замечают
И как вести себя с достоинством не знают.
Вот наши предки раньше были,
Достоинство на кончике клинка носили.
На жизнь плевали, на карьеру,
Обидчику перчатку в ноги и к барьеру.
И, отдавая дань родительским заветам,
Мой дед обидчика калечил табуретом.
Так, следуя его завету,
Я иногда и сам не прочь прибегнуть к табурету.
Хранящие достоинство в других его же чтут.
Себе такие люди цену знают и других не подведут.
Жизнь без достоинства, что рабство!
А нам достойных нужно братство.

Есть у иных людишек страсть.
Но не к женщинам, нет.
Они просто любят власть.
Как женщину они её считают неделимой
И наслаждаются, скажу вам, её властью.
Я в жизни признаю единственную власть –
Власть женщины любимой.

Заметелил, завьюжил февраль,
Зазвенел под ногами порошей,
Занавесил хрустальную даль,
Лес укутал серебряным крошевом.

Лишь на взгорье берёза одна
Под ветрами стоит неодетая,
Нагота её всюду видна.
Вот и хочется снова лета ей.

Снова треплют ветры её
И терзают ей груди белые,
Хоть бы чуть пожалели бы
За красу и за косы светлые.

Не боится ветров и вьюг,
Перед ними она не сгибается,
От метелей и непогоды
Лишь сильнее она закаляется.

Знает, сгинут скоро снега,
Тёплый ветер её вернётся.
И одевшись в зелёны шелка,
Солнцу радостно улыбнётся.

Звонит с берёзы падающий лист,
И в колках уж светлее стало.
И воздух осени прозрачен, чист,
Притихло всё и ждёт зиму устало.
Висят строкою тонкой журавли
Под сводом угасающего неба.
И долго стон их слышится вдали,
Над клином зеленеющего хлеба.
Не потому ли осень любим мы,
Что сквозь вуаль воображенья
За космами седыми матушки-зимы
Весны далёкой видим приближенье.

Как мало жён своих мы знаем!
В текучке мелких дел,
Случается, мы их не замечаем.
А глубину их преданных сердец
Мы слишком поздно понимаем.
Порой житъя им не даём,
А слово доброе сказать
Так часто забываем.
Мы к жёнам просто привыкаем.
В других мы чаще видим то,
Что в них не замечаем.
Вот от того-то и страдаем!
Чёрт побери,
ведь мы же их любили!
Иные на руках носили,
В былые времена за них
Мы б шпаги обнажили.
Не может быть, чтоб разлюбили,
Мы просто позабыли,
Что в те далёкие года и рыцарями были.
Мужчины, рыцарями будьте,
Любите женщин и ревнуйте,
Целуйте чаще и лелейте,
Для них вы сердца не жалеите.

Зима. На улице морозно.
Гулять сегодня не пойдём:
Ведь обморозить носик можно.
А где ж другой-то мы найдём?
Мы дома лучше посидим
И книжку почитаем,
В окошко с мамой поглядим,
Ведь мы же понимаем:
Когда мороз от нас уйдёт,
Тогда и погуляем.

Калина

Ой, калина, калина,
Ты неспетая песня моя.
По душе мне, калина,
Васильковая нежность твоя.
И стоят у калины
Две деревни подряд.
И осенний, и летний
Так к лицу им наряд.
Льётся песня над калиной
Подгулявших крестьян.
Вторит грустно и пьяно
Голосистый баян.
Широко и привольно
Эта песня плывёт.
Сердца первую радость
Мне забыть не даёт.
Ой, калина, калина,
Над тобою вдали
Как и прежде, калина,
Тонкой строчкой висят журавли.

Когда меня на свет родили,
Крестя, доверьем наделили люди.
«Терять доверие нельзя», – учили.
На добрые дела благословили люди.
На крыльях веры высоко взлетел я,
Имел друзей, мечтал, любил вас, люди.
Как стрелы сомнения меня пронзили,
На землю мигом опустили люди.
В сомнениях предательство узрели,
Доверия меня лишили люди.
Когда доверия меня лишили люди,
На дно колодца будто опустили люди.
Взлететь нельзя – ползи. О люди!
Вот ползать вы меня не научили, люди.

Лёгкий ситец берёзовых роц голубой
Волновал меня с детства своею красой.
Я окутан им был той минувшей порой
И храню его в сердце с сыновней тоской.

Ты лелеял меня в светлых сенях своих,
И люблю я тебя как никто, за двоих.
Ты свидетелем был лучших песен моих,
Никому никогда ты не скажешь о них.

Лёгкий ситец берёзовых роц голубой
Волновал меня с детства своею красой.
Ты поил, умывал меня чистой росой.
Иль не помнишь, как вместе мечтали с тобой?

Не смогу позабыть вещей песен твоих.
Никому не скажу, что мне сказано в них.
Синь берёзовых роц, пыл мой к вам не утих,
Знать, одна лишь судьба нам дана на двоих.

Летят, не замечаешь время,
Весны стремительные дни.
И зимних дум уходит бремя,
Прозрачных грёз полны они.
Под солнца щедрыми лучами
Уж из лесов вода течёт
Тугими звонкими ручьями,
И всё ликует, и поёт.
Лишь дремлют влажные поля,
Над ними жаворонок вьётся,
То залопочет, как дитя,
То чистой трелью вдруг зальётся.
От колка к колку стая птах
С призывным гимном пронесётся.
Тот гимн в ещё нагих лесах
Звенящим эхом отдаётся.
Вот-вот поля совсем проснутся
От гула мощных тракторов
И нежной зеленью возьмутся
Из изумительных ковров.
Весны и солнца торжество
С природой нас объединяет,
Её земное волшебство
Надеждой светлой окрыляет.

Люблю мой край родной
Безмерно, возвышенно, ревниво, нежно.
Люблю черёмух буйные разливы,
Под ними томных рек лазурные отливы.
Люблю чарующую синь долин
С виденьем сказочных былин.
Люблю нетронуты поляны –
Природы щедрые дары,
Окрест стоящие боры,
Люблю холсты берёз,
Наполненные светлых грёз,
Меж ними млеющее в зное поле –
Заздравный гимн крестьянской доле.

Люблю я осень! Почему? Не знаю.
Брожу ли колкою стерней,
Ковёр листвы ль её сминая,
Старик, а всё мечтаю
И почему-то детство вспоминаю.
И вместе с ней грущу.
Люблю я осень, почему не знаю.
Любуясь стройностью нагих её ветвей,
Я всё на свете забываю.
О, как я осень понимаю.
И вместе с нею я страдаю,
И вместе с ней грущу.

Люблю минуты вдохновенья,
Их лёгкий, незаметный бег,
Душе несущий обновленье.
Лишь в них ты человек!
Лишь в них твоё прозренье!
Всё остальное – ерунда.
И недостойно нашего волненья,
Приходит и уходит без следа,
Как ночи томные видения.

Март

Март. Дороги потемнели.
Снег осел в полях.
Воробьи смелей запели
Песни на ветвях.
Солнце ярче блещет в выси,
Укорачивая ночь,
Раздевает белы крыши,
Прогоняет зиму прочь.
Ввысь взметнулись скворешни
В ожидании скворцов.
Сторожат их рьяно кошки,
Зазывая женихов.
Всё живое обновилось.
Сердце бьётся звонче.
Кровь молодая расходилась –
Не удержишь нонче.

Зимка
Кузьмин В.Г.
Холст, масло

Не стесняясь, скажу:
«Не волнует меня суета городская:
Мне по сердцу просторы полей
Да нетронуты колки берёз.
Море белых черёмух весной
Над дырявою крышей сарая
Да рябины огонь –
 Лета бабьего
 Радость до слёз».

Наверно, хорошо дворняжкой быть:
Кто ласково взглянул – хвостом юлить,
Кто сумрачен – поджавши хвост, посторониться.
Но, право, так нетрудно ошибиться,
А то и честью попуститься.

Не терзай себя первой любовью.
Что прошло, то уже не вернёшь.
В лист осенний, деревом сброшенный,
Пламя жизни уже не вдохнёшь.
Коли встретил, не мудрствуй лукаво,
Всеми силами береги.
В жизни это совсем немало.
От пришедшей любви не беги.

Не тронут первый снег лежит.
Морозец уж слегка бодрит.
Из северной синеющей дали
Хохлатых свиристелей мчатся стаи.
Кадмий рябин надежду им дарит,
На щедрый пир к себе манит.
И на рябины падают они,
И в празднестве проводят целы дни.
Красивы птахи, ну а мне милей
Наш серенький трудяга воробей.

Неизбежность судьбы принимая
И в грядущую веря весну,
Осень в колках ковры настилая,
Безмятежно отходит ко сну.
Сколько мудрости в этом смирении
Людям щедрая осень несёт.
Что весеннее буйство в сравнении
С тем, что осень тебе отдаёт.
Осень! Мудрость твою принимая,
Завершая всей жизни обет,
Осень, всё же лукаво не мудрствуя,
Как и в юности крикну я: «Нет!»

Нередко слышишь, что любовь проходит.
Иной глупец её на стороне находит.
Другой ломает голову над тем, как быть:
Жить с нелюбимой дальше иль не жить.
Всё это мишура, и дело в том,
Что то, что мы как должное берём
Нам недоступно раньше было,
Любовь и нашу страсть вершило.
Видать нам прелести земные надоели,
И сами мы изрядно потускнели.
Всё необъятное познать стремимся,
А сами никому и в снах не снимся.
В других чего-то ищем, злимся и страдаем,
А в самых близких ничего не замечаем.
Бывает, правда, ловим мы себя на том,
Сказать стесняясь и откладывая на потом,
Что смотрим на жену, как на чужую,
Недосягаемую и желанную такую.
Мужчины, чтоб жену свою любить,
В ней что-то новое нам нужно находить.

О валуне (баеня)

На круче, что над бурною рекой, валун валялся.
Благодаря судьбе-злодейке там он оказался.
И видно было по всему, надолго там обосновался.
Валун уж мхом оброс, уверовал в судьбу, зазнался,
На солнце грелся и в струях воды купался.
Надоедало – бесконечной далью любовался.
На круче он лежал высокой
И видел, прямо скажем, он далёко,
Зрел, как песок с той кручи обсыпался
И в бурных водах исчезал.
И над песком валун в душе смеялся.
«Да, каждому своё!» – надменно изрекал.
Река меж тем под кручею бежала
И кручу потихоньку подмывала.
Песок всё больше обсыпался...
В один прекрасный день
Валун с высокой кручи оборвался
И в воду канул.
Что же, по заслугам честь –
Мораль стара и здесь:
Судьбу-верёвку сколь не крутишь,
Уж коли кручу ты вертишь,
Держись за то, на чём стоишь.

В февральском снега завихрении
Я начинаю замечать
Весны далёкой приближение
И робкое природы пробужденье...
Вскрываешь ты, февраль, во мне
Неизъяснимое волненье,
Клокочущий восторг
и слёзы умиленья!
Саму весну я не люблю.
Испытываю я не наслажденье,
А крови жадное томленье.

Песня осени

Спелым хлебом поля отшумели.
Отгорели берёз холсты.
В просветлённых лесах до одури
Не поют уже больше дрозды.
Лишь стога стоят сиротливые
Да над ними в прозрачной дали
Тянут песню свою тоскливую
Запоздалые журавли.
Так вот осень гостьей непрошенной
Постучится тихо в твой дом.
И осевший стожок заброшенный
Не разбудит весенний гром.

Петух и гусак

На гумне старом,
 За амбаром,
Гусак с красавцем петухом
 Вольготно жили.
Ну и что ж,
 Обоих их готовили под нож.
А петуху- то было невдомёк.
Имея красный гребешок,
Цветные пёрышки и шпоры,
Как ему казалось – положенье.
Мундир его действительно внушал
Большое уваженье.
Петух, как только мог,
 Мундира честь берёт.
Ни с кем он не общался,
От скуки на гумне
Он, правда, с гусаком якшался.
Но, скажем откровенно,
Он его стеснялся.
И людям на глаза
 С соседом гусаком
Попасть остерегался.
Гусак такого снисхожденья
 Терпеть не мог.
Гусак же гусь был тот.
 И вот
Дал петуху он от ворот
Да поворот.

Мораль здесь такова:
Мундир и положенье –
Ещё не основание
Для уваженья.

Притча про мышей

В мышинном царстве праздник прекратился,
Когда кот Васька там вдруг объявился.
Как всякий кот, в мышах души не чаял,
Несчастных грызунов совсем замаял.
И с мышками он делал, что хотел:
Ловил, играл, душил и ел.
Насытится – мышей не маает,
Мурлычет сладко так, глазами их ласкает.
Ну, те не прочь уж с ним и поиграть.
Давай заискивать, обхаживать и ублажать.
И до чего же за мышей становится обидно:
Своею смертью не умрут бедняги, очевидно.
Не могут, глупые, понять,
Что Васька вновь их будет жрать.
Меж нас, людей, такие же живут.
Ведь врать мне не дадут.
Сегодня на кота плюют,
А завтра с уваженьем Васей назовут.

Пришла осенняя страда.
Уж убраны в деревнях огороды.
Сквозь жёлтую вуаль берёз
Хлебов озимых зеленеют всходы.
Меж избами и здесь, и там
Ласкает взор калины красной розы.
Поутру холодок бодрит,
Но далеки ещё морозы.
И вот из северного края
На смену бодрой песенке щёглов,
Как бы вздыхая, плача и страдая,
Идёт тревожная мелодия ветров.

Птичьей песней вёсны отшумели.
Не волнуют грёзы нас сейчас.
Как-то быстро дети повзрослели,
Незаметно улетят от нас.

Отошли сердечные капли,
Даже в снах, не только наяву,
Песен, что когда-то вместе пели,
Уж не жаль. Не знаю – почему...

Лишь томления соловьиной трели
Трогают душевную струну.
Песни, что допеть мы не сумели,
Сыну завещаю своему.

Отошли сердечные капли.
Утешения не ждём ни в чём.
Видно, песни мы свои пропели
И не сожалеем ни о чём.

Разные судьбы

Ещё от Евы и от Адама
Такая длится земная драма:
Одним – судьбёнка, другим – судьбища,
Одним – избёнка, другим – домище.
Один с рождения в хрустальном замке,
Другой – до гроба тугие лямки.
Один – с ключами от Мерседеса,
Другой – ночами у горсобеса.
Один согнулся, но не сломался,
Другой – запнулся и не поднялся.
Один влюбился и задавился,
Другой расстался, лишь рассмеялся.
На миг удачи надейся каждый,
Хоть он обманет и не однажды.
Но всё ж пытайся поймать Жар-птицу,
Ну, не жар-птицу, так хоть синицу.
Рука рванулась, но промахнулась,
Судьба боднулась и отвернулась.
Коль не зануда, не падай духом
Земля покуда не станет пухом!
Ещё от Евы и от Адама
Всё длится, длится такая драма...
И всё же. всё же, что мы посеём,
То в результате потом имеем.

Сегодня мне на место указали.
Как будто в душу наплевали.
Ну, ладно, хоть позволили мечтать
И в сладких грёзах век свой доживать.
Нет, я не буду доживать
Жизнь, что дарована тобою,
Создатель мой!
Я буду просто жить!
Мне нужно просто быть,
Чтобы, как прежде,
Ненавидеть и любить!
Чтоб наслаждаться
Прелестью земного рая!
И тем себя в сей жизни утверждая!

Сегодня на улице оттепель.
В остывшей душе, поверь,
Будто в юности, где-то заброшенной,
Зазвенела, запела свирель.
Мне припомнились годы далёкие
И весенняя сердца капель,
И мечтаний разливы далёкие –
Первый в жизни моей апрель.
Сегодня на улице оттепель.
Неостывшей душе поверь,
Моей юности, где-то заброшенной.
Так непросто забыть апрель.

Сквозь тополиных веток вязь
Я часто в детство ухожу.
И долго, долго там брожу.
И никого не нахожу...
Не нахожу друзей вихрастых,
Мечтаний дерзких и прекрасных.
Не нахожу, кто мне был мил.
Кого по-детски я боготворил,
К кому я столько нежности хранил,
Так и ни капельки не обронил.
Не нахожу, что сердцу было дорогое.
Мне детство не нужно такое.
И там я больше не брожу,
Но с грустью я из детства ухожу.

Сколь берёзовых рощ на Руси!

И не счесть.

Сколь красивых названий давалось в их честь.

Сколько судеб вершилось у русских берёз.

Сколько сладких и горестных пролито слёз.

Сколь сынов погибало у русских берёз!

И не счесть.

И не счесть: сколько новых берёз подымалось в их честь.

Сколько русских присвоено рощам названий.

Сколько вновь появилось народных преданий.

Знать уж так повелось, и у русских такое призванье:

Давать рощам своим имена и названья.

О Русь! Хранятся имена те в памяти народной.

И потому стоять тебе века свободной.

Скрипка и колокольчик (Басня)

Среди хламья на сеновале
Надо же случиться
Разбитой скрипке с конскою дугою
Вместе очутиться.
Не знаю как, но колокольчик
На той дуге сломался,
От сквозняка качался и жалобно брэнчал.
А в скрипке чудным эхом отзывался.
Бог весть что возомнив,
Однажды смелости набрался
и забрэнчал:
«Ха, что, красавица, своё ты отшипела?
Хе, разве это дело...
Бывало, когда звонить я брался,
На всю округу звон мой раздавался!
Вот я кем был , тем и остался», –
Над скрипкой колокольчик издевался.
Дуга, не выдержав, со вздохом проскрипела:
«Ведь ты брэнчишь, брат,
Скрипка – пела!»

Стоит парнишка грустный на крыльце.
И утреннего солнца луч играет на лице.
Бедняжка ничего не замечает:
На свой скворечник смотрит и страдает.
Вчера с отцом они его собрали:
Дощечки подбирали и строгаали,
Все щели паклей затыкали.
Прибили на добротный шест...
Скворцы свой домик будто ждали
Нагрянули, щебечут и поют,
Но в домик почему-то не идут.
Подлетят, в тёмное окошко глянут,
Вспорхнут испуганно, отпрянут.
Стоял сердечный, на скворечни свой смотрел,
А птахи за соседний домик дрались.
Я искренне его жалел.
Но что поделаешь – они с отцом перестарались.

Стонут журавли под синим небом.
Ветер вновь пронизывает грудь.
Хмурится земля, не занятая делом,
Перед сном смывает с далей грусть.
Чуть вздремнёт в роскошном одеянии,
Наберётся сил, напьётся талых вод.
Как берёзка в солнечном сиянии
Целомудренною девушкой придёт.

Тропинки лесные, травую поросшие,
Люблю я разгадывать тайн ваших кружево.
Бывало, тропинку такую найду,
Часами по ней потихоньку бреду.
И ведают мне они тайны глубокие,
Как здесь родились они в годы далёкие,
Какие красивые люди здесь были
И как они эти тропинки забыли.
Тропинки лесные, пусть годы пройдут,
Но вас молодые поэты найдут.
Вы тайны свои, вас прошу, не храните,
И им обо всём, как и мне, расскажите.

Тучка солнце закрывает.
Солнце с тучкою играет.
Поиграет, поиграет,
В ней немного посидит
И от тучки убежит.
Солнце тучке улыбнётся
И опять ко мне вернётся.

Уж пылает рябины костёр.
Не направишь бег времени вспять.
Пусть над омутом милых очей
Серебрит седина твою прядь.
Но в далёкую нашу юность
Возвратит меня дерзкая память.
И в родник потускневшей любви
Опрокинется небо опять.

Я в жизни никому не поклонялся
И потому, наверное, ни с чем остался.

А стоит ли жалеть?

А видя, как иной пред кем-то пресмыкался,
Чтоб место тёпленькое занять,
Я искренне такому удивлялся
И просто начинал его жалеть.
И потому, наверное, один остался.

С таким и дружбу не хотел иметь!

А стоит ли жалеть?

Другой мне в дружбе вечной клялся,
А сам меж мною и другим болтался.
Такого я не мог терпеть
И тоже начинал его жалеть.

И потому, наверное, один остался,
Что дружбу не хотел с таким иметь.

Да стоит ли жалеть...

А с кем хотел дружить, не понят им остался,
Его стремления понять пытался,
Его талантом восхищался.

Но от моей он дружбы отказался.

Да, стоит пожалеть.

Я добреньких знавал немало,
Их доброту не понимал,
Их добротой не обольщался,
А дружбы с ними избегал.
Я как-то их остерегался
И даже чуточку боялся.
И среди стоящих людей
таких я не встречал.
Я больше понимаю доброту огня.
Тепло его доступно.
Прикоснёшься небрежно –
Неприменно обожжёшься,
Но всё же без него
И дня не обойдёшься.
Понятно материнское добро,
Век нам дающее тепло.
Когда к нему ты прикоснёшься,
оно не приторно.
Уж никогда не оторвёшься,
Пока досыта не напьёшься.
Оно целительно.

Содержание

Люблю тебя, мой край родной	3
Я хочу гордиться своим городом	6
Белая берёза под окном разделась... ..	10
В безумных дебрях становленья... ..	11
В сени роц забрела тишина... ..	12
Всюду я вижу весны приближение... ..	15
В сенях колка, когда-то зелёном... ..	16
Вчера всё таяло – сегодня всё застыло... ..	17
Да, после сумрака осенних дней... ..	18
Достоинство по нашим временам не нужно... ..	20
Есть у иных людишек страсть... ..	21
Заметелил, завьюжил февраль... ..	23
Звенит с берёзы падающий лист... ..	24
Как мало жён своих мы знаем!	27
Зима. На улице морозно... ..	28
Калина	29
Когда меня на свет родили... ..	30
Лёгкий ситец берёзовых роц голубой... ..	31
Летят, не замечаешь время... ..	32
Люблю мой край родной... ..	35
Люблю я осень! Почему? Не знаю... ..	36
Люблю минуты вдохновенья... ..	38
Март	39
Не стесняясь, скажу... ..	41
Наверно, хорошо дворняжкой быть... ..	42
Не терзай себя первой любовью... ..	43
Не тронут первый снег лежит... ..	44
Неизбежность судьбы принимая... ..	46
Нередко слышишь, что любовь проходит... ..	47
О валуне (басня)	48
В февральском снега завихрении... ..	49
Песня осени	51
Петух и гусак	52

Притча про мышей	53
Пришла осенняя страда... ..	54
Птичьей песней вёсны отшумели... ..	55
Разные судьбы	56
Сегодня мне на место указали... ..	57
Сегодня на улице оттепель... ..	58
Сквозь тополиных веток вязь... ..	59
Сколь берёзовых роц на Руси!	60
Скрипка и колокольчик (басня)	62
Стоит парнишка грустный на крыльце... ..	63
Стонут журавли под синим небом... ..	64
Тропинки лесные, травую поросшие... ..	65
Тучка солнце закрывает... ..	66
Уж пылает рябины костёр... ..	67
Я в жизни никому не поклонялся... ..	68
Я добреньких знавал немало... ..	69

Камышлов, 2016
Муниципальное бюджетное учреждение культуры
«Камышловская централизованная библиотечная система»

Авне
на сердце
просторы
полей...

В.Г. Кузьмин